

Н.Э. ВАШКАУ

РЕСПУБЛИКА НЕМЦЕВ ПОВОЛЖЬЯ. 1920–1930-е годы (по материалам Политического архива МИД ФРГ)

90 лет назад, 6 января 1924 г., была провозглашена Автономная Советская Социалистическая республика немцев Поволжья (АССРНП) РСФСР¹.

Российские исследователи, занимающиеся изучением истории немецкого народа в Российской империи и СССР, осветили различные стороны истории немецкой автономии на Волге. Однако на периферии исследований остаются вопросы истории республики немцев Поволжья в контексте советско-германских отношений 20–30-х годов XX в. В германских архивах, а также в центральных и областных архивах Москвы, Саратова, Волгограда, Энгельса имеется обширный корпус источников, который позволяет восполнить этот пробел.

Наименее известны в России материалы Политического архива министерства иностранных дел (МИД) ФРГ по теме исследования. Политический архив МИД Германии в Бонне, а затем в Берлине (после переноса столицы) содержит обширный массив документов по истории немецких колоний в Российской империи, Советском Союзе, и его привлечение позволяет создать объективную картину взаимоотношений АССРНП и Германии.

До начала 1920-х годов сбором и анализом материалов по истории немецких колоний в России занимался политический отдел I-A МИД Германии. В 1920 г. МИД был реорганизован. Был образован IV отдел по делам Восточной Европы, Скандинавии и Восточной Азии, который аккумулировал информацию о российских немцах. Отдел культуры (VI-A) занимался сбором и анализом информации о лицах немецкой национальности за границей, о развитии немецких национальных школ, о положении религии в СССР и состоянии церковных приходов, анализировал интенсивность и результативность культурного обмена, рассматривал другие вопросы, связанные с развитием культуры.

Значительный интерес представляют материалы Немецкого общества по изучению Восточной Европы, переписка между университетами, учеными и отделом культуры МИД Германии. Использование источников из архивов России и Германии, оценивающих события с разных сторон, дает возможность с разных сторон увидеть картину научных связей, дать объективную оценку культурного сотрудничества обеих стран.

Понимая, что по отношению к российским немцам надо выстраивать новую политическую и культурную линию, МИД Германии организовал научное изучение истории немецких колоний в России. Рассматривались вопросы их самоуправления, взаимоотношения с царским правительством, экономическое положение после прихода к власти большевиков. Были опубликованы работы Г. Бонвеча, М. Лангханц-Ратцебурга, Р. Шульце-Мюлькау, И. Шлейнинга, которые имели общий характер, но акцентировали внимание на проблеме немцев России как части германского этноса.

Вашкау Нина Эмильевна – доктор исторических наук, профессор Волгоградского государственного университета.

Автор выражает признательность Министерству внутренних дел ФРГ, а также научным организациям и университетам Германии, предоставившим возможность работать в немецких архивах и библиотеках.

¹ *Герман А.А.* Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. М., 2007, с. 159–162.

В 1917 г. были открыты “Дойче Аусланд институт” в Штуттгарте и “Ост-Европа-институт” в Бреслау, в 1919 г. – “Институт по изучению национальных меньшинств” в Марбурге. В 1925 г. была создана “Немецкая академия” в Мюнхене, в 1927 г. – “Восточный институт” в Данциге. Сохранились материалы по научной деятельности “Русского научного института”: тематика научных исследований, проблемы финансирования приоритетных проектов, выдача разрешений на въезд русских ученых. Научные центры получали бюджетное финансирование и имели тесные связи с зарубежными культурными и научными учреждениями.

Документация указанных институтов с разной степенью полноты представлена в Политическом архиве МИД ФРГ. Фонды содержат переписку министерства просвещения и науки Германии с учеными и научными учреждениями СССР, личные фонды немецких историков и экономистов: О. Хётча², М. Зеринга³, представителя МИД Германии в России О. Аухагена⁴. В этом архиве хранятся фонды университетов, где работали ученые, эмигрировавшие из России, учились русские студенты. Эти источники помогают проследить научные контакты, изучить совместные проекты и результаты работы русских и немецких ученых.

Большой интерес представляют документы фонда германского посольства в Москве, который содержит отчеты, секретные доклады, справки о состоянии промышленности, сельского хозяйства, уровне и проблемах национального образования в республике немцев Поволжья, культурных связях немецкой автономии и Германии в 1920–1930-е годы.

Немецкое посольство в Москве, охватывавшее вместе с консульствами территорию СССР от Украины до Дальнего Востока и от Ленинграда до Баку, входило в состав Восточного отдела МИД. Этот отдел был четвертым из шести в составе МИД Германии и был связующим звеном между посольскими работниками и верхушкой МИД в лице министра иностранных дел и госсекретаря – фактического заместителя главы ведомства. От того, кто возглавлял Восточный отдел, зависело общее направление политики Германии по отношению к СССР. В 1923–1928 гг. Восточный отдел возглавлял дипломат кайзеровской школы Э. Вальрот. Он был противником прорусского направления и сомневался в значимости Москвы для немецкой внешней политики. В 1928 г. руководителем Восточного отдела был назначен Г. фон Дирксен⁵, в том же году, после смерти У. фон Брокдорф-Ранцау⁶, он стал послом Германии в СССР. Дирксен, как и Ранцау, был сторонником развития тесных германо-советских отношений.

В 1920–1930-е годы среди дипломатических миссий в Москве наибольшими знатоками России считались немецкие дипломаты. Они оставили воспоминания, содержащие критические оценки советской действительности и являющиеся ценным источником по изучаемой теме⁷.

² *Хётч Отто* (1876–1944) – историк, славист, основатель и первый редактор журнала “Osteuropa” (1925–1931 гг.).

³ *Зеринг Макс* (1857–1939) – специалист по политической экономии и ученый-агроном, профессор политической экономии в Берлинской сельскохозяйственной академии.

⁴ *Аухаген Отто* (1869–1945) – профессор Берлинской сельскохозяйственной академии. Член Общества по изучению Восточной Европы. В 1927–1930 гг. исполнял обязанности атташе посольства Германии в СССР по сельскохозяйственным вопросам. Публиковал отчеты о положении немецких колоний в России и в Поволжье. В 1929 г. принимал участие в судьбе немцев-меннонитов, протестовавших против коллективизации и стремившихся эмигрировать из СССР.

⁵ *Дирксен Герберт фон* (1882–1955) – германский посол в Москве в 1928–1933 гг.

⁶ *Брокдорф-Ранцау Ульрих фон* (1869–1928) – германский дипломат, в 1922–1928 гг. посол в СССР. См. о нем: *Хавкин Б.Л.* “Париж Версаля”, объединяйтесь! – Родина, 2012, № 5.

⁷ *Dirksen H. von.* Moskau. Tokio. London. Erinnerungen und Betrachtungen zu 20 Jahren deutscher Außenpolitik. 1919–1939. Stuttgart, 1950; *Hentig W.O. von.* Mein Leben – eine Dienstreise. Göttingen, 1962; *Kroll H.* Lebenserinnerungen eines Botschafters. Köln – Berlin, 1967; *Bräutigam O.* So hat es sich zugetragen. Ein Leben als Soldat und Diplomat. Würzburg, 1968; *Schlesinger M.* Erinnerungen eines Außenseiters im diplomatischen Dienst. Köln, 1977.

Некоторые из немецких дипломатов, оставивших воспоминания, например, советники посольства Германии в СССР Г. Хильгер⁸ и Э. Зоммер⁹, родились в Москве и с детства находились в русскоязычной социокультурной среде.

В 1920–1930-е годы шел интенсивный культурный обмен между Советским Союзом и Веймарской Германией, в котором участвовало и немецкое посольство. В 1924 и 1926 гг. в Москве прошли выставки германского искусства, в 1927 г. – современной архитектуры, в 1930 г. – работ Баухауза¹⁰. Эти события с разной степенью полноты описаны в источниках и могут быть востребованы исследователями.

Разрушение налаженных экономических связей, политика продрозверстки, проводимая под нажимом центра, засуха привели к полному параличу хозяйственной жизни в 1921–1922 г. в немецком Поволжье. Во время голода 1920-х годов, преодолеть который помогали и зарубежные эмигрантские организации, церковные объединения, иностранные государства, немецким колониям на Волге уделялось особое внимание.

Красноречивым документом этого времени является секретное сообщение исполкома Трудовой коммуны немцев Поволжья в наркомат внутренних дел о положении в области за 1.06–1.07.1921 г. “Снабжение продовольствием настолько ухудшилось, что люди едят падаль, собак, кошек, траву. Сотни людей распродают свое имущество или бросают его и пытаются покинуть умирающие села. Поля не засеяны, и урожая не ожидается”. Это сообщение строго доверительно было передано в Берлин источником в Москве 25 августа 1921 г.¹¹

Реальную картину дел в Поволжье МИД Германии получало из сообщений, которые регулярно отправлялись представителями различных организаций, побывавшими там. Представитель Германского Красного Креста в Саратове д-р О. Фишер¹², проводивший 6 месяцев в Поволжье, сообщал в МИД Германии о катастрофическом положении немецких школ, которое являлось следствием голода и разрухи. Фишер отмечал плохое материальное положение учителей, отсутствие учебной литературы на немецком языке, диктат партийного руководства в школе. Он писал о высоком уровне заболеваемости малярией населения поволжских колоний, о катастрофической нехватке медикаментов и лекарств, их высокой стоимости. Предлагая организовать колониям материальную поддержку, Фишер указывал: “Отношения с Германией сейчас непростые, поэтому можно оказывать моральную поддержку через установление связей с учителями Германии, персональные контакты, через Красный крест”¹³.

Акции помощи голодающим немцам Поволжья в США были развернуты в первую очередь среди эмигрантов из Поволжья. Помощь немцев-эмигрантов в Германии с 16.10.1921 г. по 07.05.1922 г. составила в денежном выражении 5 млн 890 тыс. марок¹⁴. Из-за собственных экономических трудностей правительство Германии не было заин-

⁸ *Хильгер Густав* (1886–1965) – карьерный дипломат. Родился в Москве в семье хозяина текстильной фабрики. По поручению МИД Германии с 1921 г. руководил деятельностью Германского Красного Креста в России. Секретарь, советник немецкого посольства в Москве (1923–1941 гг.). Был переводчиком на переговорах с советскими и партийными лидерами. См.: *Hilger G. Wir und der Kreml. Deutsch-sowjetische Beziehungen 1918–1941.* Frankfurt a.M. – Berlin, 1955.

⁹ *Sommer E.F.* Geboren in Moskau. Erinnerungen eines baltendeutschen Diplomaten. 1912–1955. München, 1997.

¹⁰ Взаимосвязи русского и советского искусства и немецкой художественной культуры. М., 1980; Советско-германские научные связи времени Веймарской республики. СПб., 2001.

¹¹ Politisches Archiv des Auswärtiges Amts. Berlin (далее – PA AA), IV Russland, R 83554.

¹² Отто Фишер возглавлял саратовское отделение Германского Красного Креста в период голода в Поволжье. В качестве врача руководил борьбой с малярией в Немецкой республике в 1924 г. В результате обвинений со стороны советских властей в антисоветской деятельности соотрудники Красного Креста покинули территорию СССР.

¹³ PA AA, VI a., R 60208. Фишер выступил 18 мая 1922 г. перед членами Общества поволжских немцев в Берлине с докладом “Голодная катастрофа в немецких колониях на Волге и их хозяйственное и культурное восстановление”. – PA AA, Berlin, R 62443.

¹⁴ *Dummler G.* Unsere Emigranten. Pskovsk, 1924, s. 46.

тересовано в массовом переселении немцев из СССР. Спонтанная эмиграция немцев-предпринимателей и представителей интеллигенции из России после 1917 г. поставила перед Германией ряд проблем; к беженцам от революции прибавились беженцы от голода 1921 г.

Для развития экспортной политики было важно выяснить экономический потенциал колоний, знать возможности, в рамках которых руководство области, а затем республики немцев Поволжья могло взаимодействовать с деловыми кругами и государственными институтами Германии. Руководители области, пытаясь найти выход, обращали внимание на заграничный капитал эмигрантов из Поволжья, обосновавшихся в Германии. Член правления Немецко-Волжского банка (Немволбанка) А. Шнейдер¹⁵ в интервью областному журналу “Унзере Виртшафт” признал, что “несмотря на всю энергию государства, оно не сможет поднять хозяйство области. Поэтому мы пришли к мысли, что можно привлечь к этой цели иностранный капитал, который был переведен за границу”¹⁶. В январе 1922 г. Шнейдер был в Германии и вел переговоры об открытии представительства Немволбанка в Берлине¹⁷.

С марта по май 1925 г. в Германии с неофициальным визитом (как глава Немволбанка) побывал председатель СНК республики немцев Поволжья В. Курц¹⁸, который был принят президентом Веймарской республики П. фон Гинденбургом. Курц провел переговоры с представителями германского правительства, промышленных кругов, руководителями организаций поволжской эмиграции по вопросу установления постоянных экономических и культурных связей, сделал подробный доклад о положении республики в Германском обществе по изучению Восточной Европы. 2 июня 1925 г. был подписан протокол об образовании специального комитета по культурным связям с Немецкой республикой. Целями деятельности комитета были обмен информацией о культурном положении и потребностях республики, снабжение книгами школ и библиотек на немецком языке, изыскание возможности для обучения студентов в Германии, использование учителей и других специалистов из Германии для работы в Поволжье¹⁹.

Результаты поездки В. Курца нашли отражение в направленных в ЦК ВКП (б) предложениях по расширению самостоятельности республики. 27 августа 1925 г. Политбюро ЦК ВКП (б) в основном утвердило их. В первую очередь речь шла о внешнеэкономических льготах, большей самостоятельности республики в экономической деятельности. Республике предоставлялось право иметь своего представителя в торгпредстве СССР в Берлине. Это было заметной уступкой со стороны центра, который контролировал всю внешнеэкономическую деятельность страны²⁰.

Германская печать подробно освещала визит В. Курца. Бюллетень Дипломатического архива в Берлине (руководитель издания – Г. Рихтер) начиная с апреля 1925 г. в специальных волжско-немецких выпусках помещал очерки о Немецкой республике. Бюллетень за 1926 г. содержал информацию о работе представительства АССРНП в Германии, о мерах правительства по подготовке специалистов для немецких колоний

¹⁵ Шнейдер Александр Петрович (1887–1937?) – родился в с. Динкель Самарской губернии. С 1918 г. – руководитель Продовольственного комитета Поволжского комиссариата по немецким делам. Представитель Немецкой коммуны в Наркомназе РСФСР. Участвовал в установлении контактов с Германией и США. С 1924 г. представитель АССРНП при Президиуме ВЦИК. – Немцы Союза ССР. Драма великих потрясений. 1922–1939 гг. Архивные документы. Комментарии. М., 2009, с. 726–727.

¹⁶ *Unsere Wirtschaft*, 1922, № 6, s. 146.

¹⁷ *Dummler G.* *Unsere Emigranten.* – *Unsere Wirtschaft*, 1924, № 2, s. 61.

¹⁸ Курц Вильгельм Адольфович (1892–1938). Сын австрийского эмигранта, член РКП(б) с 1919 г. В 1924–1929 гг. – председатель СНК АССРНП. В 1929–1937 г. – заместитель наркома просвещения РСФСР.

¹⁹ РА АА, IV а. Russland, R 83864; *Richter H.* *Die deutsch-wolgadeutsche Beziehungen.* – *Das Neue Russland*, 1926, № 5–6, s. 315–316.

²⁰ *Герман А.А.* Указ. соч., с. 234–235.

в вузах страны²¹. Много материалов было почерпнуто из поволжской газеты “Нахрихтен”. Всего по 20 мая 1927 г. вышло в свет 55 выпусков Бюллетеня.

С февраля 1926 г. Рихтер находился в республике с целью знакомства с жизнью немецких колоний. Интервью с руководителями, журналистами, изучение поволжской прессы позволили ему постоянно писать заметки в немецкие газеты, регулярно делать доклады в немецких эмигрантских обществах в Берлине. В письме в МИД Германии он предлагал использовать его знания положения дел в немецких колониях. Как доказательство успешной работы он прилагал многочисленные публикации в прессе²². 16 апреля 1926 г. Рихтер выступил перед дипломатическим корпусом МИД Германии с докладом о перспективах хозяйственных и особенно культурных связей с республикой. Он подчеркнул, что это даст возможность наладить культурные связи со всеми колониями немцев на территории СССР²³.

В конце марта 1926 г. в Германии было образовано “Общество друзей Немецко-Волжской республики”, возросло число фирм, обратившихся с концессионными или торговыми предложениями к АССРНП. 31 марта 1926 г. в МИД Германии обратилась фирма “Хазенклевер и сын”, которая просила сообщить информацию о возможности поставлять в Немецкую республику продукцию фирмы²⁴. Первый официальный визит руководства АССРНП в Германию состоялся с 13 по 20 мая 1926 г. Делегацию возглавил председатель ЦИК республики И. Шваб²⁵. В ее состав входили также председатель Немволбанка Е. Иванов, нарком просвещения И. Щенфельд, учителя А. Эмих, Ф. Циглер, Н. Беллендир²⁶. Работники просвещения знакомились с постановкой школьного дела в Германии, установили контакты с Германским учительским союзом, Центральным институтом воспитания и обучения, библиотекой в Лейпциге. Были согласованы условия обмена учителями, студентами, выделения стипендий германской стороной²⁷.

9 апреля 1926 г. состоялось очередное заседание Немецкого общества по изучению Восточной Европы²⁸, на котором выступил И. Щенфельд. В заседании принимали участие представители отдела культуры МИД Германии и министерства по народному хозяйству, искусству и образованию Пруссии. Представители германской стороны заверили Щенфельда, что общество готово помочь республике предоставлением литературы на немецком языке, выделением стипендий для обучения студентов в Берлинском университете²⁹. На заседании Общества 16 марта 1926 г. было решено в качестве первого шага отправить литературу для учителей в библиотеки республики. Для оборудования физических кабинетов в школах и для пополнения школьных библиотек АССРНП Общество и МИД Германии выделили деньги. Шваб выступал перед учеными и студентами Географического института Кёнигсберга, Немецкого института в Штуттгарте³⁰.

Элементы самостоятельности в экономической и культурной жизни Немецкой республики, проявившиеся в первых шагах ее правительства, стали ограничиваться со стороны союзных наркоматов и чиновников. При обсуждении результатов поездки Шваба на заседании обкома ВКП(б) 28 июня 1926 г. было записано: “считать, что поездка в Германию с целью усиления культурных и экономических связей Немецкой республики

²¹ РА АА, Russland, R 60201.

²² РА АА, Bonn, VI a., R 60208, Wolgadeutsche.

²³ РА АА, Berlin, IV a. Russland, R 83864; VI a., R 60208, Wolgadeutsche.

²⁴ РА АА, IV Russland.

²⁵ *Шваб Иоганнес Фридрихович* (1888–1938) – учитель, член РКП(б) с 1918 г. В 1924–1930 гг. – председатель ЦИК АССРНП.

²⁶ Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАНП), ф. 849, оп. 1, д. 587, л. 2; РА АА, Russland, R 60201.

²⁷ *Richter H.* Aus der Wolgadeutschen Sowjetrepublik. Berlin, 1926, s. 26.

²⁸ Общество было организовано в 1913 г. О. Хётчем. См.: *Шлегель К.* Берлин. Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918–1945). М., 1998, с. 519–546.

²⁹ РА АА, Berlin, IV a. Russland, R 83864, 2088.

³⁰ РА АА, Berlin, IV a. Russland, R 83864.

и Германии себя оправдала. Добиться дальнейшего упрощения поездок за границу”³¹. Через год обком вернулся к этой проблеме и констатировал, что постановление Политбюро ЦК о самостоятельности принятия решения республикой “проводится недостаточно”. Но практика постоянного согласования любых шагов с центром привела к тому, что в 1927 г., например, не получили разрешения на научные командировки в Германию врач Зибенгар, заведующий Красно-Кутской опытной станции Константинов, заведующий отделом мелиорации инженер А. Лоренц, ученый-диалектолог Г. Дингес. Была признана нежелательной командировка в Америку на завод Форда специалистов Мамина и Пфайфера. Хотя это предложение было внесено ВСНХ, обком партии посчитал командировку нецелесообразной³².

Культурный обмен с Германией предусматривал обеспечение АССРНП литературой на немецком языке. 6 января 1924 г. на XI областном съезде советов Автономной области немцев Поволжья прозвучала информация о том, что в Германии заказаны учебники для школ на 5 тыс. руб. золотом и деньги переведены в Берлин³³. Почти полное отсутствие литературы для школ, большие трудности в создании собственной типографской базы побудили ЦК ВКП(б) издать 28 августа 1925 г. постановление по снятию ограничений в получении литературы из Германии. Но это решение также натолкнулось на финансовые трудности.

Партийное руководство республики стремилось пропагандировать культурные и научные связи как пример открытости республики. После визита в Германию Шваба и Щенфельда началась интенсивная переписка с Немецким обществом по изучению Восточной Европы. В письме от 4 февраля 1927 г. сотрудник общества сообщал, что комитет по культурным связям в соответствии с решением, подписанным 22 марта 1926 г., готов передать из Прусского учительского семинара библиотеку для учителей из 900 книг. В приложенном списке были представлены издания по педагогике, немецкому языку, математике, географии, естествознанию, музыке. Требовалось только согласие наркомата просвещения на получение этих книг³⁴. Направляемая из Германии литература подвергалась тщательному просмотру на предмет соответствия партийным идеологическим установкам.

Нехватка литературы чувствовалась настолько остро, что постановлением от 17 октября 1928 г. СНК РСФСР выделил в ознаменование 10-летия Немецкой республики 300 тыс. руб. на пополнение библиотек литературой на немецком языке³⁵. СНК признал также необходимым закупить книги за границей, была выделена валюта, книги предназначались для только что открывшегося педагогического института в Энгельсе. Когда же в обком поступили списки заказанной литературы, была создана комиссия, которая, проанализировав список авторов, сделала вывод, что “закуплено много ненужной, дорогой, антикварной литературы в хороших обложках. Из 601 книги – только 29 – современных писателей. Немецкий пединститут воспитывает воспитателей – коммунистов, а книги политически не выдержаны. Редко мы найдем Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Либкнехта, но зато есть почти весь комплект протоколов социал-демократических съездов, анархистская и синдикалистская литература, есть Роннер, Адлер, Бауэр, Каутский. Это обесценивает библиотеку. Виновных в составлении столь невыдержанного заказа привлечь к ответственности”³⁶.

Когда в школах катастрофически не хватало учителей, владеющих немецким языком, Наркомпрос в 1926–1927 гг. отказывал учителям из Германии в просьбах о приезде

³¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО), ф. 10487, оп. 1, д. 72, л. 70.

³² Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее – ЦДНИСО), ф. 1, оп. 1, д. 1445, л. 146, 192; д. 1925, л. 3; ЦДНИВО, ф. 10487, оп. 1, д. 97, л. 102; ф. 10474, оп. 1, д. 72, л. 41.

³³ ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 680, л. 81об.

³⁴ ГИАНП, ф. 847, оп. 1, д. 294, л. 52.

³⁵ Там же, ф. 849, оп. 1, д. 732, л. 663–665.

³⁶ ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 1621, л. 42–44.

в Немецкую республику³⁷. В 1932 г. советский посол в Берлине сообщал, что “СССР не нуждается в учителях”, хотя набор в педагогический институт был выполнен с большим трудом. В то же время на письме члена ЦК КПГ В. Пика из Москвы по этому поводу ответственный секретарь обкома ВКП(б) АССРНП Х. Горст написал: “Немедленно принять. Нам такие люди очень нужны”³⁸.

Активную культурную деятельность развернули в первую очередь правительственные и общественные организации и союзы Германии, имевшие связи с немцами из Поволжья и других мест их компактного проживания – Украины, Кавказа, Сибири. В установлении тесных контактов были заинтересованы эмигранты из немецких колоний России. Первая волна эмиграции 1918–1920 гг. была представлена крупной поволжской буржуазией. Страну покинула большая часть интеллигенции, которая играла ведущую роль в организации движения поволжских немцев за автономию. Это были крупные промышленники, священники, учителя: Ф. Шмидт, Е. Борель, И. Шлейнинг, А. Шнайдер, М. Штаф, Я. Штах, И. Штенцель, Н. Майер, А. Клейн³⁹.

В Берлине эмигранты быстро образовали собственные организации. 28 апреля 1919 г. состоялось первое собрание эмигрантов с Волги, основавших “Ферейн дер Волгадойчен”. Активно включились в общественную жизнь священники. Отец Н. Майер⁴⁰ в 1922 г. основал газету “Католише Фюрзорге” и журнал “Дас Клеменсблатт”, вокруг которых объединились жившие в Берлине католики. Объединение поволжских немцев и его печатный орган “Миттейлунген дес Ферейнс дер Волгадойчен” выступали за сохранение собственной истории и культуры. На заседаниях общества, в публикуемых в прессе статьях интеллигенция подчеркивала необходимость формирования собственного самосознания, соединяемого с гордостью за достижения предков, что формулировало линию поведения, направленную не на слияние с населением Германии, а на возможно более тесное объединение вокруг землячества и сохранение волжско-немецких традиций. Эта линия исходила в первую очередь из близкой перспективы возвращения на Волгу. Такие настроения были и у других групп немецкой эмиграции из СССР, и в русской эмиграции в целом.

“Ферейн дер Волгадойчен” ставил цели объединения находящихся в Германии немцев с Волги, выражения их интересов и проведения подготовительной работы по хозяйственному и культурному строительству волжских колоний. Ставилась задача поддержки обучения студенческой молодежи, подготовки немецких учителей и специалистов сельского хозяйства, освещения в прессе жизни немцев Поволжья в Германии и России⁴¹.

Заметную роль в укреплении культурных связей играла периодическая печать⁴². Новости из жизни эмигрантов, статьи о советской России, зарисовки о культурных традициях, быте, религиозной жизни, тексты песен, стихи и рассказы принадлежали перу поволжских и германских авторов. Печатались документальные материалы о причинах и масштабах голода в Поволжье, о зависимости Немецкой республики от центральных органов власти, о трудностях и проблемах хозяйственной и культурной

³⁷ ГИАИП, ф. 847, оп. 1, д. 294, л. 33–38.

³⁸ ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 1925, л. 4.

³⁹ Ваукау Н. Э. Организации и печать поволжских немцев в эмиграции. 1918–1933. – Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998, с. 242–251.

⁴⁰ Священник Н. Майер в 1922 г. вместе с И. Кесслером посетил США для сбора пожертвований в пользу голодающих России. В результате этой поездки через Американскую организацию помощи (АРА) российским немцам было отправлено продовольствие на 32 тыс. долл. США. – www.bessarabia.ru/biserica10.htm

⁴¹ РА АА, R 60203.

⁴² Эмигранты издавали в Германии газеты и журналы “Mitteilungen des Vereins der Wolgadeutschen”, “Der Wolgadeutsche Monatshefte”, “Der Wolgadeutsche”, “Die Heimkehr”, “Deutsches Leben in Russland”, “Der Russlanddeutsche”. В 1920–1942 гг. выходил в свет орган немецких эмигрантов из СССР журнал “Deutsche Post aus dem Osten”.

жизни, приводились письма из немецких колоний в России, приходившие родственникам в Германию.

Организации ВКП(б) пытались оградить немецкое население Поволжья от эмигрантской печати. На областной конференции Немецкой коммуны 16 ноября 1922 г. было отмечено, что население получает из Германии журналы, религиозную литературу, брошюры эмигрантских организаций, “из которых формируются целые библиотеки”⁴³. Пропагандистский аппарат большевиков пытался сбить интерес к эмигрантской печати. Выход был найден традиционный: ограничить до минимума круг литературы, поступающей из Германии. Главлит разрешил к распространению в СССР в 1923 г. (кроме изданий Коммунистической партии Германии) немецкие газеты “Франкфуртер Цайтунг”, “Берлинер Тагесблатт”, “Фоссише Цайтунг”, “Берлинер Цайтунг ам Миттаг”. Показательна фраза из доклада на партконференции ВКП(б): “Все издания просматривать и при отсутствии в них особо безобразных и вредных статей о Советской Республике и коммунистическом движении допускать для свободного распространения”. В то же время, партийные руководители признавали, что “недостаточное и бесцельное недопущение газет вредно сказывается на политическом взаимодействии республики с заграницей, в силу чего нужно особенно осторожно относиться ко всякому запрещению”⁴⁴.

Такие взаимоисключающие формулировки дезориентировали руководство на местах. Немобком ВКП(б) 21 ноября 1922 г. направил в немецкие кантоны секретное распоряжение, в котором говорилось, что, несмотря на предостережения, в колониях продолжает распространяться эмигрантская литература, идет интенсивная личная переписка. В списке упоминались “Волгадойче Монатсхэфте”, “Волгадойче”, “Хаймат” и другие издания. Обком предлагал “внимательно следить за отношением населения к эмиграции, изучать все формы связи, устанавливать, с какой группой эмиграции связано население каждого кантона, какими путями проникают литература и письма”. Предлагалось изымать литературу и письма (ни в коем случае не принуждением, а исключительно просьбами) и направлять их на имя ответственного секретаря обкома. Руководителей кантонов предупреждали, что никаких циркуляров издавать не следует, действовать надо только через личное влияние и знакомство с населением партийных и советских работников⁴⁵.

Насколько жесткой была цензура печати, говорит письмо агитпропотдела ОК ВКП(б) республики в Главлит с просьбой разрешить для ознакомления журналистов с информацией зарубежных изданий присылать в адрес редакции областного журнала “Унзере Виртшафт”⁴⁶ экземпляры журнала “Дойче Лебен ин Руссланд”. До ноября 1926 г. не было получено ни одного экземпляра этого журнала⁴⁷. Когда журнал все же появился в редакции, сотрудники отдела агитации и пропаганды ознакомились с ним и приняли решение запретить перепечатку его материалов в немецких изданиях Немецкой республики⁴⁸.

Из обширного списка газет и журналов, которые обком партии просил выписать через наркомат иностранных дел “для критического освещения” иностранной жизни в печатных органах республики, были разрешены только издания социал-демократической партии Германии⁴⁹.

Если статья или книга положительно характеризовали жизнь советских немцев, с симпатией писали о коммунистическом движении, такие публикации благосклонно

⁴³ ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 24, л. 13.

⁴⁴ Там же, д. 420, л. 22.

⁴⁵ Там же, л. 113.

⁴⁶ Журнал “Unsere Wirtschaft” издавался в 1922–1927 гг. как орган кооперативной комиссии обкома ВКП(б) АССРНИ.

⁴⁷ ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 1280, л. 61.

⁴⁸ Там же, д. 1266, л. 115, 134, 141.

⁴⁹ Газеты “Vorwärts”, “Die Gesellschaft” (Германия); “Arbeiter Zeitung”, “Der Kampf” (Австрия). – Там же, л. 114.

встречались руководством республики⁵⁰. Однако книга Ф. Раймеша⁵¹, в которую автор включил письма из волжских колоний в Берлин о масштабах голода и просьбы голодающих о помощи, или публицистическая работа П. Рорбаха “Немцы в нужде”⁵² получили резко отрицательную оценку партийных властей. 6 января 1924 г. на XI съезде советов Немецкой республики была подвергнута критике брошюра пастора И. Шлейнинга. Председатель облисполкома В. Курц сказал: «Некий пастор Шлейнинг развезжает по Америке и продает книжку собственного сочинения, озаглавленную “Правда о советской области немцев Поволжья”⁵³. В этой книжке он чернит Советскую власть вообще, а нашей области уделяет особое внимание, причем, я не думаю, что мне необходимо останавливаться на содержании этой брошюрки»⁵⁴. Такая “неудобная” литература хранилась в спецхранах и была недоступна общественности.

Это происходило в период наибольшей заинтересованности Германии в укреплении связей с Немецкой республикой Поволжья. Эту заинтересованность демонстрировали и министр иностранных дел Веймарской республики Г. Штреземанн, и историк-славист О. Хётч, который, выступая по немецкому радио с докладом “Культурная заинтересованность Германии в Советском Союзе”, отметил, что “немцы, живущие в СССР, являются культурным мостом, соединяющим Германию с Союзом”⁵⁵.

В 1927 г. публицист из Германии Г. Клейнов⁵⁶ писал о хозяйственной и технической отсталости в АССРНП, о нехватке учителей и специалистов. Клейнов ставил вопрос: чем может помочь Германия? “Предпосылкой к помощи должно быть дальнейшее развитие доверия между Москвой и Берлином, осознание, что московскому правительству нечего бояться германского культурного влияния ни с политической, ни с культурной стороны. Недоверие поддерживается со стороны славянских и пролетарских источников. Мы можем констатировать, что самосознание правящих лиц в Москве достаточно укрепилось, чтобы преодолеть мелочную боязнь, какая существует в партийной массе в отношении ничтожного немецкого осколка... Хорошо бы дополнить культурную работу хозяйственной, согласно директивам, выработанным московской плановой комиссией и покровским⁵⁷ правительством республики. С помощью германской техники и капитала могло быть основано не одно промышленное предприятие в пользу советского государства и Немецкой республики”⁵⁸. Эту статью председатель ЦИК республики Шваб назвал “недружелюбной и искажающей действительное положение вещей”⁵⁹.

Другой формой знакомства с жизнью Немецкой республики были посещения республики рабочими делегациями из Германии. В докладной записке Курца о результатах международных связей с Германией в 1925–1927 гг. упоминаются две делегации германских рабочих. Первая в составе 23 человек была в АССРНП три дня и посетила несколько предприятий. Отчеты о поездке были помещены в немецкой печати, а руко-

⁵⁰ *Wertheimer E.* Von deutschen Parteien und Parteiführern im Ausland. Berlin, 1930.

⁵¹ *Reimesch F.* Die Deutschen Wolgakolonien. Von ihrer Gründung bis zu den Tagen ihrer größten Leidenzeit. Berlin, 1922.

⁵² *Rohrbach P.* Deutschtum in Not. Berlin, 1926.

⁵³ *Schleuning J.* Die deutschen Kolonien im Wolgagebiet. Berlin, 1919. Автор дает оценку первых шагов советской власти в немецких колониях Поволжья. Шлейнинг был пастором в Тифлисе, поволжских колониях, позже эмигрировал в Германию. Много усилий предпринял для организации сбора денег в США, Германии, писал статьи о положении колонистов в России. Опубликовал в 1932 г. в Берлине брошюру “Die Wolgadeutsche. Ihr Werden und ihr Todesweg”. Суперинтендант евангелической церкви О. Дибелиус отмечал, что “это сочинение должно быть в каждом евангелическом доме”. – *Deutsches Leben in Russland*, 1934, № 6.

⁵⁴ ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 680, л. 12.

⁵⁵ Информационный бюллетень ВОКС, 1927, № 26–27, с. 13.

⁵⁶ *Клейнов Георг* (1873–1936) – историк, экономист и публицист. С 1922 г. неоднократно посещал Москву, публиковал статьи о России и СССР в газетах и научных журналах.

⁵⁷ Столицей АССРНП был город Покровск, в 1931 г. переименованный в Энгельс.

⁵⁸ *Osteuropa*, 1927, № 2–3, s. 140.

⁵⁹ ГИАИП, ф. 849, оп. 1, д. 623, л. 1.

водитель делегации Фрейберг написал брошюру “Правда о Советской России”. Вторая группа в составе 9 человек побывала на предприятиях Покровска, в частности на беконной фабрике, посетила близлежащие к Покровску немецкие села. Как многие другие делегации, посещавшие в эти годы Советскую Россию, рабочие были восхищены жизнью республики. Делегации обычно проезжали по подготовленным маршрутам, посещали заранее отобранные предприятия. Неудивительно, что немецкие рабочие в брошюре “Что увидели в России 58 рабочих из Германии”, вышедшей в 1925 г., подчеркивали, что они посетили ряд сел, разговаривали с местными жителями, которые высоко оценивали политику своего правительства⁶⁰. Конечно, такие оценки были подготовлены партийно-комсомольской аудиторией, которая демонстрировала единство мнений. Отметим, что для сельского хозяйства республики это были годы ошутимого подъема. Если сравнивать состояние села в годы голода и разрухи после гражданской войны и в период НЭПа, то в середине 1920-х годов крестьяне почувствовали некоторое улучшение жизни: росли посевные площади, увеличивалось поголовье скота, переживало подъем кооперативное движение⁶¹.

В то же время объективный анализ внешнеэкономической деятельности республики, которая с самого начала была поставлена под жесткий контроль центра, показывает, что потенциальные возможности и огромный интерес к этой сфере со стороны германских промышленников и технических специалистов не были использованы. Более того, в 1928–1929 гг. существенно сократились экономические связи с Германией, в 1929 г. была ликвидирована единственная иностранная компания “ДРУАГ”. Прекратилось возвращение на Волгу немецких крестьян, которые эмигрировали после революции: вернулось не более 300 человек⁶². Посетивший республику в августе 1929 г. предприниматель из Германии О. Вернер в письме, адресованном министерству сельского хозяйства Пруссии, с горечью писал о безработице среди молодежи Поволжья, о намерении многих молодых людей эмигрировать в Германию, о давлении власти на крепкого хозяина. Вернер обращался к министру с просьбой “сделать что-то для этих молодых людей, которые надеются на помощь из Германии”⁶³.

В таких условиях в АССРНП было непросто проявлять самостоятельность и активность в установлении широких культурных и научных контактов с Германией. Из мероприятий, запланированных культурной комиссией при Обществе по изучению Восточной Европы, удалось реализовать немного: в 1926 г. для работы в немецкие школы в Поволжье приехало 60 учителей из Германии, в 1927 г. прибыла большая группа инженеров и техников из Ганновера, приезжали врачи. Но специалисты сталкивались с нехваткой или полным отсутствием необходимого оборудования, литературы; областное руководство не могло обеспечить минимальных бытовых условий, необходимых для жизни в глубинке. Многие специалисты, прервав контракты, возвращались в Германию.

Активно сотрудничали с научными организациями Германии ученые Саратовского университета, Немецкого педагогического института в Энгельсе. Профессор Г. Дингес из Энгельса в 1924 г. побывал с научной командировкой во Фрайбурге и Марбурге, установил контакты с ведущими диалектологами Германии В. Вреде, Я. Квингом, Т. Фрингсом, выступал на конференциях, готовил материалы для общегерманского диалектологического атласа, который задумывался как совместное с германскими учеными издание⁶⁴. Профессор Кёнигсбергского университета В. Циземмер побывал в 1928 г.

⁶⁰ Das Neue Russland, 1926, № 1–2, s. 49; ГИАНП, ф. 849, оп. 10/д, д. 587, л. 1–4.

⁶¹ Фурман Е.Л. Кооперативное движение в немецких колониях Поволжья (1906 – начало 1930-х годов). Волгоград, 2011.

⁶² 5 апреля 1924 г. ЦИК и СНК АССРНП издали совместное постановление “Об амнистии в связи с образованием АССРНП”, в котором подчеркивалось, что все эмигранты, за исключением “активных врагов советской власти”, освобождались от наказания и могли вернуться домой на Волгу. – Герман А.А. Указ. соч., с. 237–240.

⁶³ РА АА, R 84345.

⁶⁴ Deutscher Sprachatlas. Marburg, 1926.

в Саратове, Энгельсе, передал 2 тыс. марок для организации библиотеки в Немецком педагогическом институте⁶⁵. Краеведческий музей в Энгельсе обменивался научными публикациями с коллегами из археологических отделов германских музеев. Заведующий отделом археологии музея в Энгельсе П. Рау в 1929 г. был приглашен на международный археологический конгресс с докладом о результатах научных экспедиций археологов в республике⁶⁶.

Благодаря поддержке Немецкой академии и Немецкого архива народных песен Германии Дингес опубликовал в 1932 г. сборник народных немецких песен, собранных им во время этнографических экспедиций в 1917–1925 гг. Сборник был хорошо встречен специалистами, так как впервые представлял песенное творчество, сохранившееся в памяти народа, полтора века жившего вдали от прародины⁶⁷.

Возможности экономического и культурного сотрудничества значительно сократились с началом коллективизации, на которую немецкое крестьянство отреагировало, как, впрочем, и все зажиточное крестьянство страны, резко отрицательно. Насильственные методы разрушения крепких хозяйств, политика раскулачивания спровоцировали эмиграционные настроения. Обком ВКП(б) республики, выполняя партийные постановления о темпах коллективизации, видел в сопротивлении крестьян влияние Германии: “участие иностранного капитала доказывается необыкновенной тактикой переселенцев. Они массами бросали свои хозяйства и распродавали их за бесценок и со всех концов устремились в Москву. Сильную травлю начала немецкая печать”⁶⁸.

В материалах МИД Германии подобраны подшивки и вырезки из газет, содержащих корреспонденции об эмиграционных настроениях немецкого крестьянства в России и мерах советского правительства. Германские газеты помещали броские заголовки: “Немецкие крестьяне хотят эмигрировать из Сибири”⁶⁹. Газета “Der Tag” писала о скоплении под Москвой тысяч крестьян из Сибири с надеждой на эмиграцию в Германию или Канаду⁷⁰. В корреспонденции “Эмиграция немецких крестьян из России” автор “Берлинской ежедневной газеты” писал, что причиной эмиграции “вероятно, является неурожай в Сибири, налог и религиозная нетерпимость. Среди них не только так называемые кулаки, но и многочисленные бедные крестьяне, сельские работники и пастухи”⁷¹. Газета “Франкфуртер Цайтунг” 24 февраля 1930 г. опубликовала статью “Религия и агитация в России”. “Шлезисше Фольксцайтунг” 11 марта 1930 г. в материале под заголовком “Правда о России” называла причины, которые мешают связям обеих стран⁷². “Берлинер Бёрзен Цайтунг” в марте 1930 г. опубликовала статью под названием “Генеральный синод о религиозных преследованиях в Советской России”.

В ответ в советских “Известиях” 22 ноября 1929 г. была напечатана статья “Чья вина?”, автор которой обвинял немецкую прессу в том, что она “создает атмосферу, которая не способствует укреплению дружественных связей между СССР и Германией”⁷³. Статья была переведена на немецкий язык Научным институтом по России и восточным государствам в Кёнигсберге и отправлена для ознакомления в МИД Германии.

⁶⁵ РА АА, VI w. Hochschulwesen und Studien in Russland, R 64105.

⁶⁶ ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 1673, л. 542.

⁶⁷ Dinges G. Wolgadeutsche Volkslieder mit Bildern und Weisen. Bilder von Paul Rau. Berlin – Leipzig, 1932; Ваукау Н.Э. Республика немцев Поволжья в советско-германских отношениях 1920–1930-х гг. (на материалах архивов ФРГ). – Немцы России: эволюция исторического пути. 1762 г. – XX в. М., 2012, с. 288–305. В то же время изданный католическими священниками сборник более 800 волжско-немецких народных песен с мелодиями, сохранившимися от периода переселения в Поволжье в 1760–1780-е гг., в советской России был изъят. – РА АА, R 60208.

⁶⁸ ЦДНИСО, ф. 1, оп. 1, д. 1575, л. 72–75.

⁶⁹ Kölnische Zeitung, 8.X.1929. Помета на вырезке из газеты: “важно”. – РА АА, R 901, D 65721.

⁷⁰ Der Tag, 13.X.1929.

⁷¹ РА АА, F., R 901, D 65721; Die deutsche Auswanderer aus Russland. – Berliner Tagesblatt, 6.XI.1929; Die deutschen Sowjetbauern. – Berliner Tagesblatt, 7.XI.1929.

⁷² РА АА, IV Russland, R 83832.

⁷³ РА АА, D 65721, R 901.

Советник германского посольства в Москве Х.-Х. фон Твардовски 8 сентября 1930 г. сообщал в Берлин о развернувшейся в СССР кампании против церкви, приводил данные о тиражах литературы общества безбожников и писал об уроне, который наносит этот поход верующим разных религий и церквей, не делая акцент на положении протестантской и католической церквей в СССР⁷⁴.

В условиях развернувшихся многочисленных политических процессов, направленных против религии и церкви, посольство Веймарской республики в Москве внимательно следило за судьбами священников. В материалах архива МИД Германии находятся поименные списки священников из Поволжья, снабженные краткими биографиями, из которых мы узнаем, что эти люди были приговорены к разным срокам наказания: евангелические – Гепнер в Маркштадте – к 6 годам высылки, Клюг в Самаре – к году высылки; Шарф в Мангейме – к 6 месяцам принудительных работ; Штаб из Камышина – к 2 годам высылки. Католические священнослужители: Вайнмайер из Обермонжу – к 5 годам; Л. Эберле из Каменки – к 5 годам⁷⁵; Брунгардт из Штрикерау – к 2 годам высылки; Фик из колонии Семеновка был приговорен к 10 годам тюрьмы; Беллендир (колония Шук) находился под угрозой судебного преследования и конфискации имущества⁷⁶. На Соловках в это время находилось в заключении 22 католических священника.

В архивном деле германского посольства в Москве “Секретные акты культурного содержания” содержится список 19 священников, приговоренных в СССР к высылке или тюремному заключению на 25 ноября 1930 г.⁷⁷ На ноябрь 1932 г. список содержал имена уже 88 католических священнослужителей, из них из Поволжья – 37 человек. Лишь против 7 фамилий в документе стоит помета: “на свободе”⁷⁸.

Сообщения о бедственном положении евангелической и католической церквей в СССР и призывы помочь братьям по вере ежедневно публиковались в печати Германии; на собраниях принимались открытые письма и обращения в поддержку верующих в России, проходили демонстрации протеста. 2 февраля 1931 г. МИД Германии сообщил, что для помощи католикам из Советского Союза их немецкие единоверцы собрали в виде пожертвований 12 тыс. рейхсмарок⁷⁹.

В начале 1930-х годов закрытие церквей, аресты и высылка священников приняли в СССР массовый характер. Посол Германии в Москве Г. фон Дирксен 4 апреля 1932 г. в секретном письме в Берлин снова акцентировал внимание на том, что положение немецкого меньшинства в СССР ухудшается. Для поддержания евангелической церкви было принято решение выделить 8600 рейхсмарок, для католической – 12 тыс. рейхсмарок.

Связи церквей Германии с лютеранскими и католическими общинами в России были очень тесными. Именно помощь церкви власти АССРНП на местах воспринимали особенно настороженно. Это касалось и участия церковных организаций Германии в помощи во время голода в Поволжье, и снабжения верующих духовной и светской литературой, продовольственной и лекарственной помощи нуждающимся, личной переписки верующих с их единоверцами. Если на словах пропагандировалось отделение в СССР церкви от государства, то на деле шел вывоз церковных ценностей за рубеж. Осуществлялся прямой диктат над верующими со стороны губернских исполнительных комитетов, что отражено в протоколах собраний общин в немецких колониях. Особенно много конфликтов было связано с получением писем и посылок из-за границы от родственников, эмигрировавших после революции. Корреспонденция из Германии стала объектом пристального внимания со стороны ГПУ. Естественно, что такие факты

⁷⁴ РА АА, IV Russland, R 83834, Religion und Kirche.

⁷⁵ Последний настоятель прихода и декан о. Л. Эберле был арестован в Каменке в 1928 г., после освобождения в 1930 г. вернулся домой, но через неделю был вновь арестован. Освобожден по болезни. Скончался в 1931 г. в Камышине.

⁷⁶ РА АА, R 83831.

⁷⁷ РА АА, R 372, Botschaft Moskau.

⁷⁸ Ibid., R 373.

⁷⁹ Ibid., R 372.

сразу попадали на страницы западных изданий и вызывали недовольство руководства Немецкой республики.

После прихода Гитлера к власти риторика компартии изменилась. В секретном постановлении обкома ВКП(б) Немецкой республики “О проявлениях кулацкого национализма в культурном строительстве и на идеологическом фронте в АССРНП” от 16 ноября 1934 г. было заявлено, что немецкие кулацкие националисты являются агентурой фашизма⁸⁰. Выполняя это постановление, комитет партии Бальцерского кантона постановил, что с 1 августа 1935 г. все получаемые марки из Германии должны регистрироваться почтой. “В селе Мессер гражданка Шмидт Мария получила 8 марок и хранит их, а Шмидт Екатерина – 30 марок. Они отказываются написать письмо о нежелании получать марки, а председатель сельсовета Радсвиг, кроме уговоров, никаких мер не принимает”⁸¹.

“Советское правительство в советской прессе помещает статьи о неуклонном прогрессе в сельскохозяйственной социалистической политике и о лжи, которую распространяет фашистская пресса. Ежедневно московское радио дает новости о благоприятном положении в СССР и скрывает истинные причины и размах голода”, – писал в 1933 г. редактор немецкого журнала “Дойче пост аус дем Остен” К. Кюгельген⁸². Этот журнал в марте 1934 г. опубликовал письма крестьян Поволжья о голоде и пустеющих немецких селах⁸³. При всей критике идеологического направления журнала следует признать, что он был объективен в своих оценках.

Опубликованные документы и научные исследования последних лет о голоде 1930-х годов в СССР показывают его истинные масштабы⁸⁴. Хотя руководство страны делало все, чтобы информация о голоде не просочилась в печать, сведения о голоде стали известны на Западе. В материалах германского консульства в Харькове сохранился документ, адресованный в германское посольство в Москве. Он содержит подробное сообщение о положении на Волге, смертности населения от голода, методах организации колхозов⁸⁵. МИД Германии был хорошо осведомлен о бедственном положении немецких крестьян в ходе коллективизации в СССР и их стремлении бежать от коллективизации в Германию. В секретных советских документах отмечалось, что немецкий крестьянин не стал “прибегать к террору и оружию, а нашел себе отдушину на территории германского и американского капитализма”⁸⁶.

Таким образом, многосторонние связи Республики немцев Поволжья – на уровне органов власти, между научными коллективами и учеными, религиозно-церковные и личные контакты – преследовали разные цели. Правительственный уровень был призван продемонстрировать на примере Немецкой республики решение национального вопроса и стимулировать расширение революционного влияния на германский пролетариат. Научно-образовательный обмен плодотворно сказался на развитии науки и образования. Сотрудничество на уровне церкви поддерживалось сильным влиянием лютеранской и католической церквей в поволжских колониях, а также активностью ряда священников, эмигрировавших в Германию и пытавшихся поддержать свою паству из-за рубежа. Личный уровень сотрудничества, толчок которому дала сначала эмиграция 1870-х годов в США, Канаду, страны Латинской Америки, затем революция в России 1917 г. и эмиграция 1920–1930-х годов в Германию, был наиболее продолжительным.

⁸⁰ СОЦДНИ, ф. 1, оп. 1, д. 2362, л. 26.

⁸¹ ЦДНОВО, ф. 1, оп. 1, д. 2396, л. 72.

⁸² Der Auslandsdeutsche, 1933, № 16–17, s. 406–407.

⁸³ Deutsche Post aus dem Osten, 1934, № 3, s. 39–42.

⁸⁴ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание. М., 1994; Голод 1932–1933 годов. М., 1995; *Герман А.А.* Указ. соч., с. 263–288; История Сарепты в документах. Волгоград, 2009, с. 208–237.

⁸⁵ РА АА, R 84345.

⁸⁶ Эмиграционное движение советских немцев в конце 1920-х годов. – Свободная мысль, 1993, № 12, с. 100.

Он позволил спасти многие жизни во время голода, сохранить веру, язык и немецкую культуру в кругу семьи. За участие в любых религиозно-культурных связях с Германией многие русские немцы заплатили жизнью. Значительная часть тех советских граждан немецкой национальности, кто состоял в переписке с зарубежными партнерами, родственниками, получал литературу, посещал Германию по служебным делам, подверглась репрессиям.

Результаты культурных связей Германии и Немецкой автономии на Волге надо рассматривать с учетом реальных условий сосуществования Германии и СССР в середине 1930-х годов. Идеологическая перегруженность внешней политики в сфере культуры в целом не позволила развиваться выгодным для обеих стран связям в области техники, науки, культуры, образования. Отдел культуры МИД Германии активно сотрудничал с эмигрантскими организациями, которые воспринимались в Советском Союзе как враждебные. Связи были прерваны с обеих сторон: в России шла насильственная коллективизация и борьба с религией, в Германии к власти пришел Гитлер и политический курс рейха принял резко антисоветский характер.